

Глубокая ночь. Угольно-черный «роллс-ройс» бесшумно рассекал плотную завесу ливня. В золотистом свете фар косые струи дождя казались расплавленным металлом, а из-под тяжелых колес во все стороны летели веера брызг.

Шэн Юань спал тревожно, то и дело хмурясь и инстинктивно сжимаясь в комок, словно силился защититься от всего мира.

Его хрупкое, бьющееся в легкой лихорадке тело казалось почти невесомым. Сквозь тонкую ткань рубашки отчетливо проступали очертания острых лопаток — сиротливые, словно сложенные крылья бабочки. В просторном салоне он занимал так мало места, будто его вовсе здесь не было.

Му Сяодо кончиками пальцев бережно отвел от его лба влажные пряди волос. Его взгляд медленно скользил по осунувшемуся, мертвенно-бледному лицу. Сухие, бескровные губы, затаенное дыхание... Единственным живым пятном на этой мраморной бледности оставались припухшие, воспаленные веки. Казалось, кожа вокруг глаз хранит след какой-то глубокой, невыразимой обиды.

— Чего же ты плачешь, малыш?..

Му Сяодо согнул палец, стирая влагу с его века. Горячая слеза обожгла кожу, в ладонь толкнулось слабое, прерывистое дыхание. Лицо юноши — такое крошечное, осунувшееся — было холодным, словно омытый дождем фарфор. Инстинктивно потянувшись к спасительному теплу, Шэн Юань сонно шевельнулся и беззащитно прижался щекой к его пальцам.

Му Сяодо замер. Спустя мгновение из его груди вырвался тихий, едва слышный смешок. Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, он повернул руку и прижал ладонь к его щеке. Темные глаза мужчины, обычно холодные и непроницаемые, в густом полумраке салона утратили былую жесткость. В глубине его зрачков затеплилась непривычная, мягкая нежность.

— Больно? — спросил он, заранее зная, что ответа не будет.

Словно почувствовав это присутствие, Шэн Юань, спавший на его коленях, беспокойно заворочался. Губы юноши дрогнули, с них сорвался тихий хриплый стон, похожий на шелест ветра.

Му Сяодо наклонился ниже, улавливая бессвязный шепот:

— Больно... так больно...

— Где болит? — тихо спросил он.

Шэн Юань не ответил. Он лишь жалобно насупился и вдруг, по-детски всхлипывая, позвал маму. Он бормотал, что хочет домой, что не желает оставаться здесь один... Все эти горькие, путанные слова он произносил на полузабытом, непривычно звучащем кантонском диалекте.

Взгляд Му Сяодо потемнел.

Наяву Шэн Юань ни за что не позволил бы себе проявить подобную слабость. Лишь провалившись в беспамятство, он позволял своей израненной душе поплакать о наболевшем. Они были слишком близко друг к другу, и маска отчуждения, которую юноша так тщательно носил днем, соскользнула, обнажив перед мужчиной все его беззащитное одиночество и страх. Каждая деталь его детской боли теперь лежала перед Му Сяодо как на ладони.

Он смотрел на осунувшиеся щеки Шэн Юаня. Тот напоминал заморыша-котенка, бездомного и истощенного, который свернулся клубком в подворотне и жалобно скулил от голода. А сам он... сам он был лишь случайным прохожим, чье сердце неожиданно дрогнуло от жалости.

Как и сегодня: он, устав от дежурного лицемерия званого ужина и удушливого запаха больших денег, покинул шумный банкетный зал. Сев в машину, он рассеянно скользнул взглядом по темному стеклу. И за этим стеклом, в размытых потоках дождя, мелькнул силуэт юноши. Словно сама судьба заставила его обернуться.

Му Сяодо щелкнул выключателем, гася плафон и впуская в салон темноту. За окном бушевала гроза. В сполохах уличных фонарей, то и дело выхватывавших силуэты из мрака, он осторожно положил ладонь на хрупкую спину Шэн Юаня. Выступающие позвонки уперлись ему в ладонь, напоминая о том, насколько истощен этот мальчик.

— Тише... Скоро все пройдет, засыпай, — ласково прошептал он на безупречном кантонском. Его низкий бархатистый голос звучал мягко и убаюкивающе, с тем благородным классическим выговором, какой можно услышать лишь в старых аристократических семьях Юга.

Водитель и ассистент Линь замерли на передних сиденьях, превратившись в безмолвные изваяния. Они не смели даже шевельнуться, не говоря уже о том, чтобы обернуться назад. Свое дыхание они старались заглушить шумом ливня, бьющего по крыше. Пространство позади них, укрытое ночной мглой, оставалось запретной зоной, чертой, переступить которую им строго воспрещалось. А то, о чем думал и что чувствовал сейчас их патрон, лежало за пределами дозволенного для их умов.

Ночь и непрекращающийся дождь стали надежным щитом для тайн, творящихся в недрах этого автомобиля.

Му Сяодо медленно, в такт шуму колес, похлопывал юношу по плечу, отгоняя прочь его кошмары. Постепенно тело Шэн Юаня расслабилось, а дыхание выровнялось — он погрузился в глубокий, спокойный сон.

По стеклам лениво стекали мутные струи воды. Глядя на эту унылую картину, Му Сяодо невольно вспомнил, как много лет назад точно так же вез этого мальчика. Тогда, в их первую долгую поездку, Шэн Юань спал у него на коленях — крошечный, испуганный комочек. Та дорога казалась бесконечной.

Как же быстро летит время. Малыш вырос.

В темноте мысли путались, и в душу закрались сожаления, о которых он обычно старался не думать.

«Что, если бы тогда я проявил слабость? Если бы забрал его с собой в Англию и воспитал сам? Наверняка уберег бы от всех этих бед, скитаний и лишений...»

В идеальном мире под его опекой Шэн Юань вырос бы уверенным в себе, успешным человеком, нашел бы свою любовь, создал семью. Но реальность распорядилась иначе. И теперь мальчик, судя по всему, даже не помнил его лица.

«Возможно, оно и к лучшему. Для нас обоих».

Но дорожная суета оборвала эти праздные размышления.

— Господин, мы приехали в больницу, — негромко доложил водитель.

— Хорошо, — бесстрастно отозвался Му Сяодо.

Когда он поднял голову, в его взгляде уже не оставалось и следа недавнего тепла. Привычное равнодушие и непреклонная холодность вновь вернулись на свое законное место.

Ассистент Линь поспешно выскочил под ливень и раскрыл огромный зонт. Дождь мгновенно промочил ему плечи и спину, но на самого Му Сяодо и юношу, которого тот бережно держал на руках, не упало ни единой капли.

Стоило им переступить порог клиники, как в глаза ударил резкий электрический свет. Му Сяодо поморщился и опустил веки. Вес спящего парня казался пугающе малым — тот был легким, словно горсть сухих листьев. Му Сяодо бережнее прижал его к себе и свободной рукой прикрыл его лицо от слепящих ламп.

Он аккуратно опустил Шэн Юаня на госпитальную койку и натянул одеяло до подбородка, оставив всю бумажную волокиту на ассистента Линя.

Некоторое время Му Сяодо молча стоял у постели. Он потянулся рукой к лицу юноши, собираясь снова коснуться воспаленного века, но пальцы замерли в паре сантиметров от кожи.

Безжалостный белый свет больничных ламп заливал палату, обнажая каждую деталь и вытаскивая наружу самые потаенные мысли. В этом стерильном сиянии Му Сяодо отчетливо понял, насколько неуместным и двусмысленным был его жест. Стоило покинуть спасительный сумрак салона, как иллюзии рассеялись: у него не было права касаться этого мальчика. Ни как у случайного прохожего, ни тем более — как у дяди.

Мужчина резко развернулся и бесшумно вышел в коридор, плотно притворив за собой дверь.

Закончив с оформлением документов, ассистент Линь вышел на улицу и заметил босса в зоне для курения.

Силуэт Му Сяодо, четкий и прямой, казался вырезанным из ночного мрака черной тушью. Вокруг бушевала буря, потоки воды сбивали с ног, но мужчина стоял неподвижно, олицетворяя собой абсолютное хладнокровие. Линь в очередной раз поймал себя на мысли, что в мире просто нет силы, способной выбить этого человека из колеи.

На Му Сяодо была лишь легкая сорочка. Верхние пуговицы были расстегнуты, открывая шею, рукава небрежно закатаны, обнажая сильные, мускулистые предплечья. В одной руке он держал сигарету; рубиновый огонек вспыхивал и гас в такт затяжкам. В этом облике не осталось ничего от безупречного, застегнутого на все пуговицы финансового магната, каким его привыкли видеть днем.

Линь понимал, что как личный помощник должен подойти и отчитаться, но благоразумно замер в нескольких шагах, давая патрону закончить затяжку. Линь был немного старше шефа и преданно служил ему без малого десять лет. Он прекрасно знал, насколько глубок этот омут. Му Сяодо обладал пугающей проницательностью и скрытностью — качествами, которые позволили ему в столь молодые годы взять бразды правления корпорацией и заставить считаться с собой даже старых акул бизнеса.

И все же сейчас Линь чувствовал, что понимает душевное состояние босса. По крайней мере, пока теплился этот огонек сигареты, мысли Му Сяодо были заняты лишь одним человеком — тем самым мальчиком. Но ассистент не сомневался: господин найдет выход. Он всегда принимает прагматичные решения, даже если дорога ведет к краю бездны.

Му Сяодо затушил окурок, и Линь наконец решился подойти ближе.

— Что сказали врачи? — ровным голосом спросил мужчина.

— Легкое сотрясение мозга. Сейчас ему поставят капельницу, пару дней покоя — и поправится. Организм молодой, быстро восстановится.

Му Сяодо негромко хмыкнул. Дым от первой сигареты еще не успел рассеяться, а он уже достал из пачки вторую. Вспыхнуло голубое пламя зажигалки, лизнув табак, и в воздух взлетела тонкая серая пыльца.

— На сегодня еще есть дела? — спросил он.

Ассистент слегка растерялся и ляпнул быстрее, чем успел подумать:

— Хотите дождаться, пока молодой господин Шэн придет в себя?

Му Сяодо промолчал. Он лишь медленно перевел на него тяжелый взгляд сквозь сизый дым.

Линь тут же опустил голову, судорожно сглотнув от охватившего его страха. Этот взгляд был красноречивее любых слов: «Знай свое место».

— Все деловые встречи завершены, — торопливо заговорил Линь. — Но... на сегодня был запланирован ужин с мисс Розы. Столик в ресторане уже забронирован.

Му Сяодо на секунду нахмурился, тщетно пытаясь вспомнить, кто такая эта Розы. Он мельком взглянул на часы и бросил:

— Отмени.

— Но... это встреча по поручению старого господина Му, — Линь опустил голову еще ниже. — Боюсь, отказ будет... неуместен.

Серый пепел осыпался с кончика сигареты на асфальт. Му Сяодо молчал несколько секунд, а затем тихо, почти ласково произнес:

— Похоже, ты все еще служишь ему, а не мне.

От этого ледяного спокойствия у ассистента мурашки побежали по спине.

— Что вы, господин Му! У меня и в мыслях не было... — залепетал Линь, покрываясь холодным потом. — Просто... вы же знаете, здоровье старого господина в последнее время сильно пошатнулось. Да и с мисс Розы это ведь чистая формальность, обычная вежливость ради приличия.

Красный уголек сигареты лихорадочно тлел в темноте. В наступившей тишине Му Сяодо принялся задумчиво вертеть простое кольцо на мизинце. С тех пор как он публично объявил о своем решении никогда не жениться, это украшение служило ему надежным щитом от

назойливых свах и матримониальных планов семьи.

Он молча наблюдал за сплошной стеной ливня. В утренних новостях передавали, что такой затяжной весны город не видел последние полвека.

Сезон нескончаемых дождей.

Му Сяодо затушил сигарету прямо о мокрый поручень ограждения и уверенно зашагал к машине.

Линь тут же раскрыл над ним зонт, едва поспевая за его широким шагом. Перед тем как сесть в салон, ассистент бросил короткий взгляд на светящиеся окна больничного корпуса.

Он знал своего босса слишком хорошо. За этой безупречной, вежливой маской скрывалось холодное, расчетливое сердце. Линь не сомневался: едва захлопнется дверца автомобиля, Му Сяодо сотрет из памяти все мысли об этом несчастном мальчике.

Когда Шэн Юань очнулся, он уже лежал в палате под капельницей.

За окном все так же монотонно шумел дождь. Взгляду юноши мешала легкая пелена слез; он долго и тупо смотрел на побеленный потолок, пытаясь сообразить, где находится.

Ему снова снилось прошлое. Старые раны всегда давали о себе знать, стоило лишь сомкнуть веки, оставляя после себя лишь глухую, ноющую тоску.

Шэн Юань осторожно повернул голову. В палате никого не было. Белые занавески были задернуты не до конца, и в щели между ними виднелось черное ночное небо, затянутое тяжелыми грозowymi тучами. Смахнув набежавшие слезы, он со стоном приподнялся на локтях — каждое движение отдавалось резкой болью во всем теле.

И тут его взгляд упал на черное мужское пальто, бережно брошенное поверх больничного одеяла. Вещь была сшита на заказ, из дорогой плотной шерсти, и от нее исходил едва уловимый, но такой знакомый аромат кедра и дорогого табака.

Шэн Юаню не нужно было гадать. Этот запах он узнал бы из тысячи.

Он робко прикоснулся к ткани кончиками пальцев, словно боялся повредить бесценную реликвию. Дорогое сукно скользнуло под ладонью мягкой, благородной прохладой.

Шэн Юань подтянул колени к груди и уткнулся лицом в пахнущую кедром шерсть. Сжав в кулаке тяжелый рукав, он жадно вдохнул остатки чужого тепла, чувствуя, как к горлу подступает горький, удушливый ком.

«Я ведь еще то пальто не вернул... А теперь у меня осталась еще одна его вещь».

<http://bllate.org/book/20131/2121768>